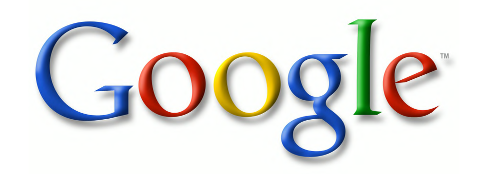
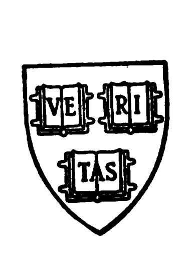

В. В. Каллашъ.

Жуковско-Гоголевская

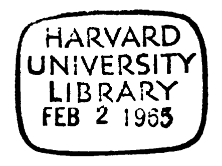
ЮБИЛЕЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская улица, собств. домъ.
1902.

Дозволено цензурою. Москва, 17 іюля 1902 г.

Жуковско-Гоголевская юбилейная литература.

I.

Изъ всѣхъ юбилейныхъ чествованій великихъ писателей самое важное значеніе имѣетъ у насъ, какъ извѣстно, воспоминаніе о пятидесятилѣтіи ихъ кончины. По нашимъ законамъ это—срокъ прекращенія правъ литературной собственности,—моментъ, когда сочиненія писателя дѣлаются общественнымъ достояніемъ, перестаютъ быть монополіей наслѣдниковъ или, что случается чаще и что по существу дѣла еще печальнѣе, предметомъ хищной эксплуатаціи невѣжественныхъ и недобросовѣстныхъ книгопродавцевъ-издателей, обыкновенно скупающихъ права литературной собственности за безцѣнокъ и потомъ ими злоупотребляющихъ. Какъ извѣстно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ право на изданіе сочиненій нашихъ лучшихъ писателей скупается (почти всегда за ничтожную сравнительно сумму) крупными книжными фирмами, которыя выпускаютъ въ свѣтъ по очень высокой цѣнѣ «полныя собранія сочиненій» съ малограмотными біографіями, каррикатурными портретами, непозволительными пропусками и искаженіями текста. Обыкновенно эти изданія туго идутъ въ глубь общества и сильно мѣшаютъ популяризаціи писателя, распространенію его произведеній въ школѣ и среди народа. Прекращеніе книжной монополіи приводитъ всегда къ массовому появленію новыхъ изданій, ихъ значительному удешевленію—къ самой широкой ихъ популяризаціи. Такъ, въ сотняхъ тысячъ и даже милліонахъ экземпляровъ еще недавно, благодаря этому, разошлись по всей Руси широкой сочиненія Пушкина, Крылова, Лермонтова, пошли въ ширь и въ глубь общества, проникли въ значительной степени въ народную школу и крестьянскую избу.

21 февраля и 12 апрѣля текущаго года такой моментъ исключительной важности наступилъ для произведеній Гоголя и Жуковскаго. Ихъ знало раньше, за рѣдкими исключеніями, одно образованное общество; теперь узнаютъ ихъ, кромѣ того, народъ и народная школа. Это дастъ широкую общественно-воспитательную роль всѣмъ художественнымъ произведеніямъ Гоголя; кругъ вліянія Жуковскаго, конечно, всегда будетъ уже и меньше, но и у него найдутся такія произведенія, какъ «Камоэнсъ», «Ундина», ко-

торыя никогда не потеряютъ своего художественнаго обаянія и которымъ можно пожелать самой широкой извѣстности.

Что же для этой популяризаціи дали и могутъ дать недавно пережитые юбилеи? Каковы итоги издательской иниціативы въ этомъ отношеніи? Разобраться въ этомъ вопросѣ тѣмъ болѣе важно, что юбилей освѣжаетъ память о писателѣ, усиливаетъ къ нему общественный интересъ, опредѣляетъ надолго судьбу его произведеній—самымъ фактомъ массоваго появленія изданій и книжнаго «перепроизводства».

II.

Съ 21 февраля цѣлый потокъ изданій произведеній Гоголя и литературы о немъ хлынулъ на нашъ книжный рынокъ.

«Полныя» и избранныя, какъ иллюстрированныя, такъ и неиллюстрированныя собранія сочиненій Гоголя заполонили книжные магазины и понесутъ «горькое слово смѣха», «искры вѣчной, могучей любви» и «видимый міру смѣхъ сквозь незримыя, невѣдомыя ему слезы» далеко въ глубь и въ ширь общества. Хочется вѣрить, что наступаетъ, наконецъ, время, когда нашъ народъ «Гоголя съ базара понесетъ»...

Какъ всегда, на-ряду съ благожелательной и интеллигентной иниціативой, въ дѣло вмѣшались хищные спекулятивные инстинкты и предпріимчивое невѣжество. Многое разсчитано на наивность и плохую освѣдомленность покупателя, многое представляетъ только «покушеніе съ негодными средствами», во многомъ чувствуется отсутствіе плана и опредѣленныхъ цѣлей, и отъ всего этого надо предохранить и предупредить читателя-покупателя. Желая «потрафить» всѣмъ, нѣкоторые издатели не удовлетворятъ, несомнѣнно, никого. Повидимому, иногда они даже совсѣмъ не представляли себѣ своихъ читателей и дѣйствовали слѣпо, наугадъ. Это тѣмъ болѣе странно, что ихъ задачи были значительно упрощены тщательными работами Тихонравова и В. И. Шенрока надъ гоголевскимъ текстомъ: все возможное собрано, текстъ установленъ и, въ общемъ, разъясненъ—оставалось только сдѣлать толковый выборъ и провести разумную систематизацію.

Но и на это у многихъ не хватило пороху.

Собственно, полнаго собранія сочиненій не вышло ни одного. Даже тѣ изданія, которыя такъ себя называютъ, на самомъ дѣлѣ воспроизводятъ далеко не весь матеріалъ основного 10-го изданія, съ дополнительными къ нему томами: опущены не только варіанты, но и многіе отрывки, наброски, черновые матеріалы и первоначальныя редакціи. А между тѣмъ такого изданія можно было бы ждать хотя бы отъ г. Маркса.

Въ послѣднее время право собственности на сочиненія Гоголя перешло отъ Салаева (Думнова) къ Марксу. Думнову (собственно, еще Салаеву) принадлежитъ честь приглашенія въ редакторы изданія академика Тихонравова, вложившаго такъ много глубокаго знанія, усидчиваго труда и

любви въ замѣчательное 10-е изданіе, теперь вышедшее изъ продажи (5 томовъ). Въ немъ впервые былъ точно, научно, критически установленъ гоголевскій текстъ, извлечено изъ разныхъ изданій и рукописей множество варіантовъ и отрывковъ, чрезвычайно характерныхъ для исторіи гоголевскаго творчества, даны прекрасныя объяснительныя примѣчанія,—на самомъ дѣлѣ, цѣлыя изслѣдованія о Гоголѣ. VI и VII дополнительные томы не были доведены до конца Тихонравовымъ и вышли въ свѣтъ подъ редакціей В. И. Шенрока, когда Гоголь сдѣлался на нѣсколько лѣтъ собственностью Маркса.

10-е изданіе осталось до сихъ поръ единственнымъ въ своемъ родѣ. Марксъ издавалъ потомъ нѣсколько разъ «полныя собранія сочиненій» Гоголя подъ редакціей Тихонравова (давно уже покойнаго!!) и В. И. Шенрока, приложилъ одно изъ нихъ къ *Нивѣ* и выпустилъ огромное количество изданій отдѣльныхъ произведеній. Характерно, что онъ ни разу до самаго послѣдняго времени не издавалъ отдѣльно «Мертвыхъ Душъ», несмотря на всю необходимость такого изданія для школы, и недавно напечаталъ ихъ на плоховатой бумагѣ за 2 р.—при 1 р. 25 к. за «полное собраніе».

Безъ оговорки, имъ откинуты въ позднѣйшихъ воспроизведеніяхъ тихонравовскаго изданія драгоцѣнныя объяснительныя статьи редактора, весь научный аппаратъ, варіанты, отрывки и черновыя редакціи, иногда очень интересные. При перепечаткѣ вкралось довольно много опечатокъ и искаженій текста *).

Еще недавно одна изъ газетъ (помнится, *Новое Время*) указала въ изданіи Маркса рядъ текстуальныхъ несообразностей и этимъ доказывала неустановленность гоголевскаго текста. Въ изданіи подъ редакціей Тихонравова ихъ не было, и онѣ, несомнѣнно, явились позднѣе. А надъ изданіями все остается «подъ редакціей академ. Н. С. Тихонравова»: «мертвые сраму не имутъ»—и не могутъ протестовать противъ искаженія любимаго дѣла ихъ жизни. При жизни Тихонравовъ, конечно, ни за что не согласился бы на тѣ операціи, которыя произведены надъ его работой. «Большая» публика, не знающая внутренней подкладки дѣла, не имѣющая понятія о томъ, кто былъ Тихонравовъ, наивно покупаетъ сомнительные плоды его замогильнаго редактированія.

Г. Марксу принадлежитъ одна только заслуга: онъ продавалъ свои изданія (въ томъ числѣ небольшія произведенія Гоголя, иллюстрированныя) сравнительно дешево и тѣмъ способствовалъ довольно широкому распространенію сочиненій великаго писателя.

На прощаніе съ очень выгоднымъ правомъ собственности фирма придумала довольно остроумный планъ: наводнить книжный рынокъ передъ самымъ окончаніемъ этого права возможно болѣе дешевыми изданіями со-

---

* Заранѣе оговариваемся, что мы и не думаемъ всего этого приписывать почтенному второму редактору изданія, В. И. Шенроку. Мы увѣрены, что если бы дѣло было предоставлено въ его полное распоряженіе, всѣхъ этихъ промаховъ не было бы.

бранія сочиненій и отдѣльныхъ произведеній, чтобы они могли бороться съ будущей конкуренціей.

Г. Марксъ выпустилъ однотомное и шеститомное изданія (Спб., 1 руб. 25 к. и 2 р. 50 к.), которыя въ объявленіяхъ почему-то называетъ «полнымъ собраніемъ», «редакція Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока» (на первомъ) и «редакція Н. С. Тихонравова» (на второмъ),—«Мертвыя Души» (2 р.) *) и 15 иллюстрированныхъ книжекъ («Ревизоръ», «Старосвѣтскіе помѣщики» и пр.) съ удачными въ общемъ иллюстраціями, недурной печатью и бумагой, цѣною отъ 5 до 20 к.

Какъ уже было выше указано, «полныя собранія» на самомъ дѣлѣ оказались очень неполными, въ особенности однотомное. Послѣднее въ общемъ составлено по плану, выработанному *покойными* А. Н. Майковымъ и Н. Н. Страховымъ, по тексту, установленному *покойнымъ* Н. С. Тихонравовымъ. Оно «имѣетъ въ виду удовлетворить главнымъ образомъ требованіямъ общедоступности: оно ставитъ себѣ цѣлью дать *всѣ* произведенія великаго писателя, за исключеніемъ тѣхъ, которыя имѣютъ значеніе только для ученыхъ спеціалистовъ». Но какая, собственно, «общедоступность» имѣется въ виду? Для кого предназначено изданіе—для школы или для т. наз. «широкой публики?» Ихъ интересы, конечно, далеко не совпадаютъ. Для школы и школьнаго преподаванія нуженъ и «Ганцъ Кюхельгартенъ», столь характерный для настроенія юнаго Гоголя, и обѣ редакціи повѣсти «Портретъ», сопоставленіе которыхъ важно для ознакомленія съ поворотомъ въ настроеніи Гоголя и вводитъ въ тайники его творчества, и письма о «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ Душахъ», и наиболѣе характерныя выборки изъ писемъ вообще,—чего въ изданіи Маркса нѣтъ. Для большой публики многое изъ этого, конечно, не нужно, какъ ненужны изъ помѣщеннаго Марксомъ «научныя» статьи «Арабесокъ», «Петербургскія Записки 1835 г.» и кое-что другое.

Въ данномъ случаѣ, какъ и у всѣхъ почти остальныхъ издателей, чувствуется смѣшеніе цѣлей, которое не могло не отразиться дурно на самомъ характерѣ изданія.

Краткая біографія составлена В. И. Шенрокомъ прекрасно—это лучшее, что есть въ изданіи. Самое изданіе напечатано въ двѣ колонки на приличной бумагѣ и съ внѣшней стороны производитъ хорошее впечатлѣніе.

Г. Марксомъ же изданы «Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока». (4 тома. Спб., 1902 г. 6 р.).

Это—драгоцѣннѣйшій матеріалъ для біографіи Гоголя, исторіи его внутренняго развитія и характеристики его творчества. До сихъ поръ письмами Гоголя можно было пользоваться въ двухтомномъ изданіи Кулиша, которое далеко не охватывало всей переписки великаго писателя, мѣстами

---

*) Большое иллюстрированное изданіе „Мертвыхъ Душъ“, въ общемъ очень неудачное, стоитъ 12 руб. Не лучше ли было бы воспользоваться для него не-изданными рисунками Поклевскаго вмѣсто воспроизведенія неудачныхъ новыхъ?

допустило пропуски, неправильныя чтенія словъ и невѣрное пріуроченіе отдѣльныхъ писемъ къ тѣмъ или другимъ годамъ. Г. Шенрокъ потратилъ много силъ, времени и любви на то, чтобы собрать все, что было можно, провѣрить уже напечатанныя письма по подлинникамъ, дать реальный комментарій къ письмамъ. Довольно много писемъ печатается имъ впервые (напримѣръ, т. I, стр. 38, 44, 103, 104, 173 и пр.). Отдавая полную справедливость добросовѣстности и эрудиціи редактора, мы не можемъ не отмѣтить нѣкоторыхъ мелкихъ погрѣшностей. Напрасно было отмѣчать такъ тщательно «варіанты», т.-е., по-просту говоря, невѣрныя, ошибочныя чтенія отдѣльныхъ словъ, допущенныя предшествующими издателями писемъ: они вѣдь не представляютъ никакого интереса,—въ особенности такіе, какъ «радостію—радостью» (примѣч. редактора: «мы не имѣли возможности свѣрить это письмо по подлиннику»), «здравіе» въ *Русскомъ Архивѣ* невѣрно «здравье», «женщиною»—«женщиной». Съ другой стороны, редакторъ позволяетъ себѣ исправлять въ текстѣ своеобразные неологизмы Гоголя («самодовольство» вм. «самодоволіе»), печатаетъ «разговорчиво» съ оговоркой: *въ подлинникѣ* «разговорчивѣе» (стран. 493). Онъ «смягчаетъ» выраженія (стр. 613), не рѣшается возстановить «высѣкъ» (своего крѣпостного лакея), не печатаетъ «дуракъ» (вмѣсто этого слова точки съ примѣчаніемъ: «здѣсь Гоголь употребляетъ выраженіе, равнозначительное слову *чудакъ*», стр. 277). Онъ помѣщаетъ въ числѣ писемъ альбомную замѣтку, не всегда удачно пріурочиваетъ письма безъ датъ (наприм., т. I, стр. 12), допускаетъ коекакіе пропуски, отмѣчаетъ очевидныя опечатки (наприм., «пошиться» вм. «поштиться»: «не имѣя подлинника передъ собою, провѣрить не можемъ»), мѣстами даже искажаетъ текстъ (наприм., т. I, стр. 105: «до слишкомъ большой нужды не доѣду»; т. I, стр. 96: «вы тогда не оставите меня и когда» (никогда?); стр. 198: занимать вм. заниматься; стр. 429: вы вм. мы и проч.). Мѣстами чувствуются lapsus calami (напримѣръ, «нѣжный и благородный сынъ»—несомнѣнно «благодарный»). Не всегда дѣло обстоитъ благополучно и съ примѣчаніями. Шишковъ рекомендуется, какъ «извѣстный писатель узкаго направленія» (стр. 241); альманахъ «Новоселье» названъ журналомъ (стр. 312); замужней сестрѣ Гоголя оставляется дѣвическая фамилія (стр. 476); давно уже напечатанный романъ Миклашевичъ «Село Михайловское» указывается, какъ ненапечатанный, со словъ Кулиша (стр. 608). Г. Шенрокъ иногда загадываетъ своему читателю загадки: при словѣ «высказать», наприм., такая выноска (стр. 124): «здѣсь въ подлинникѣ, вѣроятно, пропускъ, такъ какъ въ «Запискахъ о жизни Гоголя», находимъ здѣсь другое слово «открыть», поставленное въ скобки въ знакъ того, что оно дополнено издателемъ по требованію текста». Но откуда взялъ «высказать» самъ г. Шенрокъ?

Все это, конечно, мелочи, которыя не мѣшаютъ труду г. Шенрока быть драгоцѣннымъ вкладомъ въ небогатую вообще Гоголевскую литературу; но лучше, если бы ихъ не было совсѣмъ...

Съ рядомъ изданій выступила и фирма г. Сытина: «Полное (?) собраніе

сочиненій» (М., 3 тома, 3 р. 50 к.) и «Собраніе сочиненій» подъ ред. А. И. Кирпичникова (80 коп.), и 15 отдѣльныхъ маленькихъ изданій съ иллюстраціями (тѣ же, что и у Маркса) отъ 20 до 5 к.

Въ первый томъ «Полнаго собранія» вошли: «Опытъ хронологической канвы къ біографіи Гоголя» (вмѣсто біографіи), болѣе умѣстный въ ученомъ изданіи, а не въ предназначенномъ для большой публики *), «Вечера» и «Миргородъ»; во второй—повѣсти («Носъ», «Портретъ», «Шинель», «Коляска», «Римъ»), комедія (нѣтъ «Развязки Ревизора») и «Мертвыя Души» (томъ 2-й въ исправленной редакціи); въ третій—«Выбранныя мѣста», «Арабески», юношескіе опыты и проч. Нѣтъ ни «Ночей на виллѣ», ни «1834 г.», ни многихъ отрывковъ—и всетаки «полное собраніе сочиненій»!

Редакторъ поработалъ надъ текстомъ, самостоятельно отнесся къ изданію Тихонравова, въ чемъ, по компетентному указанію В. Е. Якушкина, заключается его главная заслуга и наиболѣе существенное отличіе отъ другихъ редакторовъ. Примѣчанія очень обстоятельны и даютъ читателямъ много цѣнныхъ указаній. Подавляющее большинство иллюстрацій совсѣмъ неудачно. Онѣ или карикатурны, или безцвѣтны, или слишкомъ идеализованы; хуже всего переданы украинскіе типы — въ нихъ не чувствуется непосредственное знакомство съ Малороссіей; не выдержаны и плохо вяжутся съ текстомъ типы «Мертвыхъ Душъ». Второе, сокращенное изданіе Сытина открывается біографіей, живо и интересно написанной. Если бы не плохія иллюстраціи, оно было бы совсѣмъ хорошо. Жаль, что въ немъ пропущены «Театральный разъѣздъ», «Римъ» и «Невскій проспектъ»; слѣдовало бы прибавить письма о «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ Душахъ». Отдѣльныя изданія Гоголевскихъ произведеній хуже Марксовскихъ и стоятъ не дешевле.

Г. Панафидинъ выпустилъ «Полное (?) собраніе сочиненій» въ одномъ томѣ (М., ц. 1 р. 75 к.) и нѣсколько маленькихъ изданій отдѣльныхъ произведеній, на очень плохой бумагѣ, скверной печати, съ грубо-выполненными рисунками—они гораздо хуже и дороже какъ Марксовскихъ, такъ и Сытинскихъ. «Полное собраніе» вышло подъ редакціей г. Смирновскаго, составившаго очень блѣдную и безцвѣтную біографію. Въ немъ нѣтъ «Развязки Ревизора», перевода Жиро, зато введено многое изъ того, чѣмъ не воспользовались другіе редакторы («Ночи на виллѣ», «Непогода» и пр.). Иллюстраціи очень грубы.

Недурно съ внѣшней стороны, но, сравнительно, дорого изданіе Асарханова: «Сочиненія Гоголя. Полное собраніе» (Спб., 2 тома. Ц. 1 р. 50 к.); оно безъ иллюстрацій. Редакторъ его, г. Филоновъ, далъ вмѣсто біографіи пестрый и безсвязный наборъ фактовъ, неудобоваримый для обыкновеннаго читателя (вышло и отдѣльнымъ изданіемъ). Вѣроятно, по

*) Онъ начинается такъ: „1653 г. присоединеніе Малороссіи къ Россіи... 1793 . Д. П. Трощинскій сдѣланъ статсъ-секретаремъ. 1799 г. апрѣля 16 В. А. Гоголь-Янс - скій произведенъ въ титулярные совѣтники“.

его идеѣ матеріалъ расположенъ въ изданіи довольно оригинально. Въ первый томъ, повидимому, вошло то, что г. Филоновъ считаетъ лучшимъ у Гоголя: 4 разсказа изъ «Вечеровъ», весь «Миргородъ», «Шинель» и «Коляска», «Ревизоръ», «Театральный разъѣздъ», «Мертвыя Души», отрывки изъ «Выбранныхъ мѣстъ», «Авторская исповѣдь», «Развязка Ревизора»; во второй—все остальное, въ такомъ порядкѣ: «Шпонька», «Заколдованное мѣсто», «Портретъ», «Носъ», «Пропавшая грамота», «Женитьба» и пр. «Вечеръ накануне Ивана Купала» почему-то отсутствуетъ совсѣмъ, зато введено много набросковъ, отрывковъ и черновыхъ редакцій, опущенныхъ другими изданіями.

Такой распорядокъ вообще производитъ сумбурное впечатлѣніе: въ немъ нѣтъ ни хронологическаго начала, ни распредѣленія по содержанію или формамъ. Почему предпочтены «Страшная месть», «Коляска» и «Развязка Ревизора»? Зачѣмъ разрушены рубрики самого Гоголя, связавшаго, напримѣръ, «Вечера» личнымъ и мѣстнымъ пріуроченіемъ?

Очень хорошее впечатлѣніе (кромѣ иллюстрацій) производитъ изданіе Павленкова (въ одномъ томѣ. Спб., ц. 1 р. 25 к.). Г. Яковенко далъ для него обстоятельную, толково написанную біографію. Матеріалъ расположенъ по слѣдующимъ рубрикамъ: беллетристическія произведенія (въ томъ числѣ отрывки, наброски, неоконченные разсказы), драматическія, публицистическія и критическія, историческія, юношескія стихотворенія и мелочи. Если бы въ него вошли первоначальныя редакціи «Портрета», «Ревизора» и обѣ редакціи 2-го тома «Мертвыхъ Душъ», оно было бы самымъ полнымъ. Иллюстраціи недурно задуманы, но вышли расплывчато и слѣпо.

Имъ же издано 25 маленькихъ иллюстрированныхъ книжекъ «Гоголевской библіотеки» (отъ 50 до 2 коп.) и 5 иллюстрированныхъ сборничковъ (отъ 30 до 12 к.). Печать въ нихъ мелка, но довольно четка. При своей дешевизнѣ эти книжечки, несомнѣнно, получатъ самое широкое распространеніе.

Очень большой успѣхъ достался на долю изданія «Народной Пользы» (Спб., 5 томовъ, ц. 3 р., по подпискѣ 2 р.): вскорѣ послѣ выхода оно все было распродано и, по слухамъ, печатается вторично, на лучшей бумагѣ. Оно снабжено 230 иллюстраціями А. М. и В. М. Васнецовыхъ, барона М. П. Клодта, Н. Н. Каразина, В. Е. и А. В. Маковскихъ и др., автотипіями съ картинъ Брюллова, Клодта, Перова и Рѣпина, нѣсколькими портретами Гоголя и близкихъ ему лицъ. Почти всѣ иллюстраціи задуманы прекрасно; но вслѣдствіе тонкости бумаги черезъ нихъ просвѣчиваетъ текстъ оборотной стороны, поэтому онѣ въ большинствѣ случаевъ сливаются и сплываются. Ихъ размѣщеніе, повидимому, зависѣло отъ порядка поступленія, и поэтому многія изъ нихъ попали не на мѣсто. Нѣкоторые типы (напр., Чичиковъ) не вездѣ выдержаны, что̀ сильно нарушаетъ иллюзію. Народные типы мѣстами (напр., въ «Майской ночи») слишкомъ идеализованы. Изданіе это даетъ не только текстъ всѣхъ главныхъ произ-

веденій Гоголя (пропуски въ общемъ не существенны, хотя и ихъ слѣдовало бы избѣжать), но, что особенно цѣнно и что отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ, прибавляетъ къ этому обстоятельный историко-литературный комментарій, живо написанную біографію великаго писателя (г. Вѣтринскаго), двѣ обстоятельныя его характеристики (А. Н. Пыпина изъ его «Исторіи русской литературы» и редактора этого изданія Е. А. Ляцкаго), хорошо, въ общемъ, сдѣланныя выборки изъ частной переписки Гоголя и критическихъ статей о немъ—прекрасная замѣна сборника г. Зелинскаго. Редакторская работа выразилась не столько въ работѣ надъ текстомъ, сколько въ распредѣленіи и комментированіи матеріала. Напрасно только «Тарасъ Бульба» включенъ въ «Вечера», а не въ «Миргородъ»; въ «статьяхъ разнообразнаго содержанія» не соблюденъ хронологическій порядокъ, и включенъ въ текстъ, а не въ примѣчанія, очень сомнительный «акростихъ». Порядокъ размѣщенія матеріала вообще опредѣлялся поступленіемъ рисунковъ, почему и замѣчается почти вездѣ хронологическая невыдержанность. Печать мелка, но въ общемъ довольно четка.

Среди «избранныхъ сочиненій» для школъ и народа выдѣляются сборники Д. И. Тихомирова (М., 3 вып., ц. 40 коп.), охватывающіе у Гоголя все доступное школьному возрасту (своеобразную черту составляетъ помѣщеніе «Жизни» и «Днѣпра»), юбилейный сборникъ саратовскаго губернскаго земства (ц. 40 к.), съ недурнымъ критико-біографическимъ очеркомъ г. Голубева (вышелъ и отдѣльнымъ изданіемъ) и удачными иллюстраціями (въ него вошли «Тарасъ Бульба», «Сорочинская ярмарка», «Ревизоръ», «Шинель», «Старосвѣтскіе помѣщики»), «избранныя сочиненія Н. В. Гоголя для дѣтей младшаго возраста съ біографіей А. Нестерскаго» (издан. журнала *Игрушечка*, Спб., 35 коп.; очень изящная книжка, заключающая въ себѣ: біографію, «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», отрывокъ изъ «Тараса Бульбы», «Шинель» и «Чичиковъ у Плюшкина») и 8 томиковъ «Дешевой Библіотеки» Суворина, въ которые вошли всѣ художественныя произведенія Гоголя (Спб., ц. 1 руб.). Мы находимъ очень удачной мысль г. Суворина помѣстить рядомъ съ первоначальной редакціей и позднѣйшія переработки «Тараса Бульбы», «Портрета» и «Мертвыхъ Душъ»: это можетъ ввести читателя въ тайники творчества Гоголя. Желательно было бы, чтобы къ этому изданію былъ прибавленъ дополнительный томикъ съ остальными произведеніями Гоголя и, въ частности, съ его юношескими опытами.

«Избранныя сочиненія Гоголя для юношества» (Изданіе журнала *Образованіе* (Спб., 2 тома, ц. 1 руб.) безукоризненны съ внѣшней стороны. Къ нимъ приложена коротенькая, недурно составленная г. Морозовымъ біографія писателя. Въ текстѣ мѣстами сдѣланы сокращенія, съ чѣмъ трудно согласиться: геніальное произведеніе въ самомъ себѣ несетъ начало нравственнаго очищенія, а кто вообще способенъ выталкивать изъ литературнаго произведенія одни только рискованныя мѣста, того не исправятъ и не спасутъ сокращенныя изданія. Впрочемъ, это очень спорный

и сложный вопросъ, не разъ трактовавшійся въ специальной педагогической литературѣ и рѣшаемый вообще очень различно. Жаль, что исключены изъ сборника «Вій», «Носъ» и «Театральный разъѣздъ».

Очень неудовлетворительны «Избранныя сочиненія Гоголя съ біографіей и портретомъ въ 2-хъ томахъ. Сост. Д. К. Тихомировъ. Изд. К. Тихомирова» (М., 2 тома, ц. 75 коп.). Біографія Е. В. (она же вышла отдѣльнымъ изданіемъ съ именемъ г. Е. Воскресенскаго) безцвѣтна, безсодержательна и, при общей шаблонности и банальности, допускаетъ рядъ странныхъ ошибокъ. «Книги, написанныя о предметахъ болѣе или менѣе интересныхъ и полезныхъ для всѣхъ или для многихъ людей, написанныя притомъ ясно, толково, а то и красиво (изящно), составляютъ такъ наз. литературу» (V). «Вечера» Гоголя, будто бы, «впервые, можно сказать, знакомили русское общество съ Малороссіей» (IX), что совершенно невѣрно (вспомнимъ Нарѣжнаго и др.). «Арабески» будто бы вышли позднѣе «Миргорода» и въ нихъ вошелъ «Носъ» (XI) и пр. Книги плохо сброшюрованы, плохо прокорректированы, мѣстами съ безобразно узкими полями. Редакторъ настолько былъ наивенъ, что въ число «драматическихъ отрывковъ» включилъ «Игроковъ» и «Записки сумасшедшаго», хотя первое — не отрывокъ, а второе — не драма, и не далъ ни «Портрета», ни «Театральнаго разъѣзда», разсчитывая притомъ, повидимому, не столько на школу, сколько на «большую публику».

Если мы упомянемъ о своеобразныхъ выборкахъ *Московскихъ Вѣдомостей*: «Гоголь о вѣрѣ, мірѣ и жизни», скромная которыхъ цѣль доказать, что Гоголь имѣлъ дерзость предвосхитить идеи г. Грингмута, и изданіе Губинскаго «Мертвыхъ Душъ» (Спб.) съ воспроизведеніемъ извѣстныхъ рисунковъ Агина, то всѣ извѣстныя намъ юбилейныя изданія сочиненій Гоголя будутъ перечислены.

Въ этомъ отношеніи Гоголевская юбилейная литература богата не столько качественно, сколько количественно. Конечно, и послѣднее, при дешевизнѣ, имѣетъ очень большое значеніе. Даже плохія и неполныя изданія принесутъ свою долю пользы въ дѣлѣ популяризаціи сочиненій Гоголя; но мы видѣли, что къ юбилею вышло и нѣсколько безусловно хорошихъ изданій, а это во всякомъ случаѣ крупный результатъ. То, что раньше покупалось за рубли и было доступно только обезпеченнымъ классамъ, теперь пойдетъ за копейки...

III.

Литература о Гоголѣ въ общемъ небогата.

До сихъ поръ вышло только три Гоголевскихъ сборника, хотя ихъ ожидалось гораздо больше.

Нѣжинскій сборникъ (изданный Гоголевской коммиссіей при историко-филологическомъ институтѣ) даетъ много интереснаго. Проф. Сперанскій напечаталъ вновь найденное письмо Гоголя со своими комментаріями, цѣн-

ныя изслѣдованія о «портретахъ Гоголя» и «Гоголь въ народной книжкѣ и картинкѣ». Имъ же организована была прекрасная Гоголевская выставка въ Нѣжинѣ, для которой былъ составленъ обстоятельный каталогъ, не потерявшій значенія, для справокъ по Гоголю, и послѣ закрытія выставки *)

Много новыхъ данныхъ сообщаютъ «Матеріалы для біографіи Гоголя изъ архива гимназіи высшихъ наукъ» г. Сребницкаго.

Г. Заболотскому принадлежитъ библіографическій обзоръ «Гоголь въ русской литературѣ»—наиболѣе полное до сихъ поръ перечисленіе литературы о Гоголѣ. Жаль только, что составитель воспроизводитъ иногда чужія указанія безъ провѣрки и повторяетъ ошибки (напр., пріуроченіе къ Гоголю басни о гоголѣ-птицѣ, замѣна Львовой—Леоновой, превращеніе прозаическаго некролога гр. Ростопчиной въ стихотвореніе и пр.). Такихъ ошибокъ, впрочемъ, мы замѣтили немного, и, за вычетомъ ихъ, трудъ г. Заболотскаго производитъ прекрасное впечатлѣніе.

«Гоголевскій сборникъ русскаго библіологическаго общества» (Спб.) составляетъ воспроизведеніе 1 книжки *Литературнаго Вѣстника* за этотъ годъ. Въ него вошли (кромѣ прекрасно исполненнаго портрета): наши «Мелкія замѣтки о Гоголѣ», объ отношеніяхъ Гоголя и Великопольскаго (Б. Л. Модзалевскаго), очень свѣжее по даннымъ изслѣдованіе г. Лугаковскаго «Гоголь въ польской литературѣ», замѣтки и матеріалы для біографіи Гоголя (г. Щеголева), сближеніе «Портрета» Гоголя съ «Мельмотомъ-скитальцемъ» Матюрена (г. Шляпкина), письмо Кулиша къ матери Гоголя и вновь найденное письмо великаго писателя по поводу постановки «Ревизора» въ Москвѣ, «Кулишъ объ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя» (г. Коробки), «объ отношеніи Гоголя къ католичеству» г. Лященка (вопросъ, затронутый и проф. Кочубинскимъ въ его статьяхъ въ *Вѣстникѣ Европы* этого года), «Ростовскій городничій» и «Ревизоръ» Гоголя (г. Витберга), «Иллюстраціи къ произведеніямъ Гоголя» (его же) и «Къ библіографіи матеріаловъ о Гоголѣ» г. Лященка. Кромѣ того, перепечатано нѣсколько старыхъ статей о Гоголѣ (Максимовича, Кулиша и Погодина) и газетныхъ замѣтокъ о немъ и дано нѣсколько отзывовъ о новыхъ изданіяхъ по Гоголю.

Очень интересенъ «Гоголевскій сборникъ *Дѣтскаго Чтенія* (М., ц. 60 к.). Въ него вошли живо написанный біографическій очеркъ, «Италія», «Плюшкинъ», «О малороссійскихъ пѣсняхъ», «Повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ», «Ночи на виллѣ», «Утро дѣлового человѣка» и письма къ Балабиной и Жуковскому самого Гоголя, стихотворенія о Гоголѣ Некрасова, Вейнберга и Берга, прекрасно подобранные разсказы о Гоголѣ его друзей и близкихъ

---

*) По нему въ значительной степени составленъ каталогъ московской Жук в-ско-Гоголевской выставки. Въ послѣднемъ перечисленіе литературы о Гоголѣ и Ж у-ковскомъ можетъ имѣть нѣкоторое библіографическое значеніе. Съ болѣе интересн къ вещей выставки г. Фишеромъ снятъ альбомъ (ц. 3 р. 50 к.), который служитъ п е-краснымъ дополненіемъ къ московскому и петербургскому Пушкинскимъ альбома ъ.

знакомыхъ, «Бѣлинскій о Гоголѣ» и русскій переводъ комедіи отца Гоголя «Простакъ», съ которою давно уже слѣдовало познакомить русскую публику.

О нашемъ сборникѣ «Гоголь въ русской поэзіи» (М., 50 коп.) была уже рѣчь на страницахъ *Русской Мысли*.

Юбилей не принесъ ни одной полной, составленной на основаніи новѣйшихъ данныхъ, біографіи и всесторонней характеристики Гоголя. Подавляющее большинство характеристикъ и біографическихъ очерковъ повторяетъ избитые факты, въ томъ числѣ закоренѣлыя ошибки, воспроизводитъ внѣшнія черты, не давая почти ничего для характеристики внутренняго облика великаго писателя *).

Лучшіе изъ популярныхъ очерковъ принадлежатъ: Д. И. Тихомирову («О жизни Н. В. Гоголя и его безсмертныхъ сочиненіяхъ», М., 10 коп.), В. П. Острогорскому («Н. В. Гоголь. Литер. біограф. очеркъ». Вятка, 8 к.) и А. Д. Алферову («Особенности творчества Гоголя и значеніе его поэзіи для русскаго самосознанія», М., 20 к.). Хорошо составлены: «Какъ жилъ Гоголь и что онъ писалъ», г-жи Хлѣбниковой (М., 2 к.), краткая и подробная біографія издательскаго комитета харьковскаго общества грамотности.

Прекрасная работа г. Баженова: «Болѣзнь и смерть Гоголя», составляетъ оттискъ изъ *Русской Мысли* и, конечно, памятна нашимъ читателямъ, какъ помнятъ они, вѣроятно, и живой очеркъ г. Гиляровскаго: «На родинѣ Гоголя» (М., 25 к., перепечатка статьи изъ *Русской Мысли*, съ дополненіями).

Изъ изданій біографическаго характера слѣдуетъ еще особенно отмѣтить «Послѣдніе дни жизни Н. В. Гоголя. Записки его современника доктора Тарасенкова» (изд. 2-е, дополненное по рукописи, М., 1902 г., 30 к.). Необыкновенно живо и ярко воскрешаютъ онѣ потрясающую картину умиранія Гоголя, мучительство докторовъ, рѣшившихъ, что они имѣютъ дѣло съ сумасшедшимъ, съ которымъ не стоитъ церемониться,—всего одиночества и заброшенности несчастнаго страдальца.

«Ѳ. В. Чижовъ и его связи съ Н. В. Гоголемъ» біографическій очеркъ (М., 50 к.) г. Черокова составленъ почти исключительно по печатнымъ источникамъ и представляетъ вообще мало интересна.

«По слѣдамъ Гоголя въ Римѣ», г. Aventino (М., 30 к.) даетъ очень скудныя свѣдѣнія о мѣстахъ въ Римѣ, связанныхъ съ памятью великаго писателя.

«Шутки, остроты и избранныя мысли Н. В. Гоголя», г. Козмана

---

*) Таковы: „Гоголь, какъ христіанинъ“—Добронравова (Саранскъ); „Къ характеристикѣ личности Гоголя“—Минина (Т.-Сергіевъ посадъ); „Гоголь, его жизнь и произведенія“—Первова (М.) и Анненской (Спб.); „Гоголь, какъ вѣрный сынъ церкви“—Розанова (М.); „Н. В. Гоголь“—Д. Языкова (М.). Біографія г. Иванова въ „Юномъ Читателѣ“ составляетъ неудачную поддѣлку подъ дѣтскую рѣчь. „Три романтическихъ мотива въ произведеніяхъ Гоголя. Къ характеристикѣ Гоголевскаго идеала“—г. Замотина (Варшава),—очень слабая варіація на модную теперь тему о романтизмѣ Гоголя.

(Одесса, 30 к.)—очень пестрый и случайный подборъ анекдотовъ о Гоголѣ (иногда очень сомнительныхъ), отрывковъ изъ его писемъ и сочиненій.

Болѣе благопріятное впечатлѣніе производитъ «Душа Гоголя. Избранныя мѣста изъ писемъ Гоголя и его статей автобіографическаго характера», г. Русанова (М., 25 к.).

Разборъ комедіи «Ревизоръ» г. Хоцянова (Псковъ, 40 к.) представляетъ собою наивную, чисто ученическую попытку.

Два этюда о Гоголѣ г. Розанова, прибавленные ко второму изданію его книги «Легенда о великомъ инквизиторѣ» (Спб., 1 р.), отличаются обычными для этого писателя кривляніями и ломаніями, «извитіемъ» и «плетеніемъ словесъ» съ «нелѣпоглаголаніемъ». Нѣкоторыя его выраженія звучали бы прямо глумленіемъ надъ Гоголемъ, если бы вообще можно было обращать вниманіе на «вѣщанія» новоявленнаго нововременскаго пророка и придавать имъ какой бы то ни было смыслъ и значеніе.

«Характеристика творчества Гоголя» г. Дорофеева (Тифлисъ, 60 к.)—добросовѣстный пересказъ Бѣлинскаго, Чернышевскаго и нѣкоторыхъ другихъ, въ общемъ очень немногочисленныхъ, источниковъ. Только съ этой стороны онъ и можетъ представить нѣкоторый интересъ.

«Малороссійскія и петербургскія повѣсти Гоголя» г. Мочульскаго (Одесса) слишкомъ подробно развиваютъ довольно элементарную мысль: «въ малороссійскихъ повѣстяхъ Гоголь является художникомъ-натуралистомъ (?), вѣрно (даже при идеализаціи и гиперболизаціи, «бенгальскомъ освѣщеніи»?) отразившимъ не только роскошную, нѣжную и томную южную природу, но и бытъ малороссіянъ со всѣмъ его разгуломъ и весельемъ, со всѣмъ его добродушіемъ и хитростью. Вмѣстѣ съ внѣшними бытовыми картинами Гоголь заглянулъ и въ душу народа и здѣсь нашелъ много такихъ вѣрованій, которыя до сихъ поръ составляютъ его нравственное бытіе и заставляютъ его мучиться и волноваться и представляютъ такой пульсъ его жизни, безъ котораго становится малопонятной самая жизнь (!). Эти народныя вѣрованія и составляютъ тотъ фантастическій элементъ, который въ большой дозѣ вошелъ въ его малороссійскія повѣсти. Вмѣстѣ съ этимъ фантастическимъ элементомъ Гоголь незамѣтно сталъ на почву народной психики и такимъ образомъ естественнымъ и постепеннымъ путемъ подготовилъ себя къ тому психологическому анализу и къ тѣмъ глубокимъ психологическимъ пріемамъ, какіе онъ употреблялъ впослѣдствіи въ своемъ художественномъ творчествѣ. Въ петербургскихъ повѣстяхъ съ фантастическимъ элементомъ Гоголь является уже истиннымъ художникомъ-психологомъ».

«Невымирающіе типы Гоголя», рисунки и текстъ И. И. Кланга (М., 2 вып., 10 к.), представляютъ беззастѣнчивую спекуляцію. При разныхъ обложкахъ оба выпуска совершенно тождественны и заключаютъ въ себѣ непроходимо пошлыя изображенія современныхъ разновидностей Гоголевскихъ типовъ.

«О характерѣ Гоголевскаго стиля. Глава изъ исторіи русскаго литера-

турнаго языка» г. Мандельштама (Гельсингфорсъ, 2 р. 75 к.) мало оправдываетъ свое заглавіе. Авторъ систематически смѣшиваетъ стиль съ поэтическимъ содержаніемъ, самъ пишетъ болѣе чѣмъ странною рѣчью, допускаетъ не оговоренныя и не отмѣченныя цитаты изъ Потебни. Онъ договаривается даже до того, что изображеніе смерти Кукубенка въ «Тарасѣ Бульбѣ» считаетъ результатомъ непосредственнаго созерцанія у Гоголя и про сопоставленіе: «шаровары—Черное море», пишетъ: «но все же объемъ предмета можно представить; у *другихъ* (?) этого чувства мѣры нѣтъ». Есть у г. Мандельштама нѣсколько любопытныхъ наблюденій, но они облечены въ неудобоваримую форму и тонутъ въ волнахъ пустословія, нагроможденія далеко не всегда нужныхъ примѣровъ, странныхъ сопоставленій и фактическихъ ошибокъ *).

Таковы, въ общихъ чертахъ, итоги юбилейной Гоголевской литературы.

IV.

Какъ и слѣдовало заранѣе предполагать, издательская инициатива отозвалась гораздо живѣе на юбилей Гоголя, чѣмъ на юбилей Жуковскаго.

Жуковскаго теперь мало читаютъ, его болѣе изучаютъ въ классѣ. Общественный спросъ на него былъ до сихъ поръ вообще очень не великъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что у него есть рядъ произведеній, которыя заслуживаютъ самой широкой извѣстности. Юбилей оживилъ память о немъ. Вышедшія изданія, будемъ надѣяться, поддержатъ ее и дальше.

Въ послѣднее время право собственности на сочиненія Жуковскаго принадлежало Глазунову. Передъ истеченіемъ срока фирма выпустила въ большомъ количествѣ экземпляровъ прекрасное 10-е изданіе, сравнительно дешевое (2 р. 25 к.), подъ редакціей П. А. Ефремова: «В. А. Жуковскій. Сочиненія въ стихахъ и прозѣ». Оно полнѣе всѣхъ предшествующихъ, хотя, къ сожалѣнію, въ него не вошли ни письма, ни первоначальныя редакціи стихотвореній, иногда чрезвычайно интересныя. Впрочемъ, послѣдняго можно было бы требовать отъ изданія критическаго, *академическаго*, а не общедоступнаго. Рукописи Жуковскаго такъ мало еще изучены, что во время печатанія этого изданія и послѣ выхода его въ свѣтъ было опубликовано довольно много новыхъ матеріаловъ. Часть ихъ успѣла попасть въ дополненія, въ концѣ. Въ новомъ изданіи мало сдѣлано для выдѣленія неподписанныхъ журнальныхъ статей Жуковскаго за время его редактированія *Вѣстника Европы*.

---

*) Для полноты обзора отмѣтимъ еще: „Русь, прологъ въ стихахъ въ память 50-лѣтія со дня смерти Гоголя“ (Рига, 20 к.), „Памяти Гоголя“ (Астрахань), изд. *Ас рах. Губ. Вѣд.*, Богословскій, „О творчествѣ Гоголя“ (Батумъ) и „Гоголь въ ру скої критикѣ“ Абрамовича (Спб.). „Гоголь въ эпоху творчества 1-го тома „Мертвы ъ душъ“ г. Заболотскаго (Варшава) извѣстно намъ только по заглавію. Кромѣ то , вышла отдѣльнымъ оттискомъ изъ *Русской Мысли* наша работа „Гоголь и ег письма“.

Оно снабжено удачными портретами поэта и редактора его сочиненій— П. А. Ефремова, обстоятельнымъ біографическимъ очеркомъ перваго и краткими біографическими свѣдѣніями (съ приложеніемъ перечня трудовъ) о второмъ. Напечатано оно въ двѣ колонны даже тамъ, гдѣ приходится «ломать строку» (наприм., въ гекзаметрахъ «Одиссеи»), и съ внѣшней стороны производитъ вполнѣ благопріятное впечатлѣніе.

Въ основу его положенъ текстъ изданія 1849 г., съ прибавленіемъ всего, что было разыскано въ рукописяхъ, съ сжатымъ библіографическимъ и историко - литературнымъ комментаріемъ. Оно разсчитано на большую публику, чѣмъ и объясняется, конечно, и его составъ, и его планъ. Въ поставленныхъ редакторомъ предѣлахъ оно вполнѣ удовлетворяетъ своей цѣли и исправностью текста превосходитъ всѣ другія изданія.

Любопытнымъ обѣщаетъ быть изданіе Маркса подъ редакціей профессора Архангельскаго (приложеніе къ *Нивѣ*). Пока вышло 4 томика, содержащихъ подробную біографію поэта и его стихотворенія до 1849 г. включительно. Въ него войдутъ письма, всѣ вновь найденные матеріалы съ обстоятельнымъ историко-литературнымъ и библіографическимъ комментаріемъ. Оно не будетъ критическимъ и вполнѣ научнымъ, но обѣщаетъ быть наиболѣе полнымъ и довольно исправнымъ, если не считать нѣсколько пропусковъ (сравнительно съ изданіемъ П. А. Ефремова) и промаховъ, въ общемъ немногочисленныхъ.

Прекрасное впечатлѣніе производятъ изданія г. Сытина (изящное иллюстрированное въ 2 томахъ 7 р., удешевленное иллюстрированное въ 2 томахъ 3 р. 50 к., однотомное общедоступное иллюстрированное народное изданіе въ 60 коп. и 11 отдѣльныхъ изданій отъ 3 до 20 коп.), въ особенности первое. Издатель сдѣлалъ все, чтобы соединить изящество съ сравнительной дешевизной. Для иллюстрированія приглашенъ академикъ Лебедевъ; въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ помѣщено много снимковъ съ портретовъ, видовъ и проч. Это первое у насъ изящное изданіе, широко задуманное и прекрасно выполненное, и можно только пожелать, чтобы г. Сытинъ на немъ не остановился, а далъ такія же изданія Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Крылова.

Редакторъ этого изданія, г. Алферовъ, оговаривается въ предисловіи: «предлагаемое изданіе имѣетъ въ виду не спеціалистовъ, а широкую массу русскихъ читателей, и хотя не представляетъ полнаго собранія сочиненій В. А. Жуковскаго, но, мы надѣемся, можетъ дать достаточно полное представленіе о немъ, какъ о писателѣ и какъ о человѣкѣ».

Выборъ въ общемъ сдѣланъ удачно, но можно возражать противъ распредѣленія матеріала. Въ первый томъ отнесено, наприм., все то, что «имѣетъ, главнымъ образомъ, біографическій характеръ», въ томъ числѣ и «Странствующій жидъ». Послѣднее произведеніе автобіографично настолько же, насколько «Камоэнсъ», большинство балладъ, даже «Ундина»; субъективная подкладка въ немъ не настолько сильна, какъ въ лириче-

скихъ стихотвореніяхъ: зачѣмъ же было его отдѣлять отъ другихъ произведеній и помѣщать рядомъ съ «интимной лирикой»?

Біографія (вышла и отдѣльнымъ изданіемъ, М., 25 коп.) составлена редакторомъ по книгамъ Загарина, Зейдлица и Тихонравова, съ небольшимъ прибавленіемъ новыхъ матеріаловъ. Она лучше большинства блѣдныхъ и безсодержательныхъ біографическихъ очерковъ, вышедшихъ къ юбилею *), но вызываетъ мѣстами серьезныя возраженія. Характеристика педагогической несостоятельности Благороднаго пансіона сдѣлана грубовато; краски въ ней слишкомъ сгущены. Мало затронуты вліяніе сантиментализма на юнаго Жуковскаго и роль семьи Тургеневыхъ въ его позднѣйшемъ увлеченіи нѣмецкою литературой. Блѣдными чертами намѣчена исторія его романа съ «Машей»: о многомъ упоминается вскользь или не упоминается совсѣмъ, между тѣмъ какъ въ письмахъ и стихотвореніяхъ можно было бы легко подобрать рядъ характерныхъ чертъ **). Очень неопредѣленно и даже противорѣчиво обрисованъ «Арзамасъ», и совсѣмъ почти не затронута журнальная дѣятельность Жуковскаго. Его педагогическое значеніе сильно преувеличено и идеализовано. Для характеристики его взглядовъ на обученіе и воспитаніе и педагогическихъ пріемовъ есть много совсѣмъ еще неразработанныхъ данныхъ, но г. Алферовъ ограничился только изложеніемъ уже давно разработаннаго и изученнаго. Попадаются и мелкіе фактическіе промахи. Ходячее названіе «Le Jupiter de mon coeur» можетъ и не доказывать совсѣмъ спеціальнаго изученія миѳологіи (стр. 11). Крайняя идеализація кн. Вяземскаго (стр. 13) плохо вяжется съ рядомъ общеизвѣстныхъ фактовъ о немъ. Патріотическія стихотворенія, фехтованіе, танцы, военные чертежи и рисованіе почему-то должны доказывать «утилитарное направленіе учебнаго заведенія» (стр. 17), хотя они только характерны для безтолковой энциклопедичности стариннаго дворянскаго воспитанія. Чье-то краткое изложеніе содержанія извѣстной книги Штурма («Размышленія») г. Алферовъ принялъ за заглавіе (стр. 17). Очень сбивчиво переданы отношенія Жуковскаго къ гр. Самойловой и кн. Хилковой (стр. 71), хотя въ нихъ легко было разобраться (см., наприм., примѣчанія проф. Архангельскаго къ посвященнымъ имъ стихотвореніямъ). Въ общей характеристикѣ личности, творчества и литературнаго значенія Жуковскаго мало

---

*) „В. А. Жуковскій"—Васина (М., 3 коп.), Воскресенскаго (М., 20 коп.), Андріевскаго (Одесса), Языкова (М., 20 коп.), Соколова (Вильна, 5 коп.); „Жуковскій и Гоголь"—Ливотовыка (Холмъ, 10 коп.); „Жуковскій, какъ наставникъ Царя-Освободителя" — Степанова (Спб., 60 коп.); „Поэтъ-христіанинъ Жуковскій"—Сиземскаго (Спб., 40 коп.); „Идеалы и завѣты поэта-христіанина и христіанина-философа Жуковскаго"—Троицкаго (Кіевъ, 20 коп.); „Біографія Жуковскаго" — фонъ - Дитмаръ (М., 10 коп.); „Жуковскій, какъ писатель и человѣкъ" Созоновича (Варшава), Змигродскій, „Памяти Жуковскаго" (Юрьевъ), говоритъ о тѣхъ домахъ, въ которыхъ поэтъ жилъ въ старомъ Дерптѣ, и первомъ исполненіи тамъ же „Боже, царя храни".

**) Рельефнѣе пересказанъ этотъ романъ въ *Литературномъ Вѣстникѣ* (г. Лященкомъ).

опредѣленности и исторической перспективы. Очень смутно переданы его отношенія къ романтизму.

Все это не мѣшаетъ работѣ г. Алферова быть лучшимъ изъ вышедшихъ къ юбилею, болѣе значительныхъ по объему, біографическихъ очерковъ. Изъ краткихъ біографій для школъ и народа лучшія принадлежатъ Д. И. Тихомирову («Жизнь и труды Жуковскаго», М., 10 к.) и г-жѣ Лукашевичъ («Какъ жилъ Жуковскій и что онъ писалъ», М., 5 коп.).

Кромѣ указанныхъ выше изданій, намъ извѣстны еще два чисто-спекулятивныхъ изданія — Панафидина и Клюкина (М., по 1 р. 50 коп.). Они называются оба «полныя собранія въ одномъ томѣ», хотя въ нихъ не вошли раннія оды Жуковскаго, многія изъ его прозаическихъ произведеній и проч. Въ изданіи Панафидина лучше бумага и недурны въ общемъ рисунки; изданіе Клюкина напечатано на плохой бумагѣ, плохимъ шрифтомъ, очень небрежно въ корректурномъ отношеніи и вообще производитъ отрицательное впечатлѣніе. Мы замѣтили только одно отличіе его отъ Панафидинскаго: въ немъ помѣщены отрывки изъ дневниковъ Жуковскаго.

Къ изданію Панафидина приложена коротенькая біографія, составленная г. фонъ-Дитмаромъ и «одобренная сыномъ поэта», ко второй—такая же біографія г. Васина.

Изъ научныхъ трудовъ о Жуковскомъ вышли пока «Взглядъ Жуковскаго на поэзію» П. Н. Сакулина (М.) и «чтеніе» академика А. Н. Веселовскаго (Спб.).

Брошюра г. Сакулина представляетъ пробную лекцію въ Московскомъ университетѣ, прочтенную потомъ, съ измѣненіями, на торжественномъ засѣданіи педагогическаго общества въ честь Жуковскаго. Она была напечатана въ *Вѣстникѣ Воспитанія* и теперь выша отдѣльнымъ оттискомъ. Въ ней авторъ подошелъ къ центральному пункту творчества Жуковскаго, къ основному значенію его поэзіи и далъ яркую, живо написанную и прекрасно обоснованную картину.

Со свойственнымъ ему мастерствомъ, тонкостью пониманія и умѣньемъ быстро оріентироваться во всякомъ, самомъ запутанномъ научномъ вопросѣ, даже далекомъ отъ предмета его постоянныхъ личныхъ занятій, акад. А. Н. Веселовскій набрасываетъ сжатую и выразительную характеристику Жуковскаго. Она насколько интересна и мѣстами свѣжа, что мы считаемъ нужнымъ познакомить съ нею читателей подробнѣе.

«В. А. Жуковскій занимаетъ въ нашей литературѣ особое положеніе. Мы говоримъ о Карамзинскомъ, Пушкинскомъ ея періодѣ, но съ именемъ Жуковскаго понятія періода не соединяемъ. Кругомъ него есть подражатели, нѣтъ собственно школы; передъ нимъ его учителя, послѣ него ученики, подслушавшіе «плѣнительную сладость» его стиха, но нашедшіе новое содержаніе для своей поэзіи. Отзвуки Державинской помпы, едва ли ему свойственной, слышатся въ его раннихъ опытахъ и, позже, въ патріотическихъ одахъ; затѣмъ имъ надолго, я сказалъ бы навсегда, овладѣлъ Карамзинскій сентиментализмъ. Къ этому настроенію онъ былъ приготовленъ

раннимъ опытомъ сердца, не находившаго встрѣчности въ родной семьѣ, воспитаніемъ и чтеніями въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, всего болѣе — недочетами чувства, на этотъ разъ встрѣчнаго, но заторможеннаго требованіями условной нравственности и каноническаго права, и оно рвалось въ выси платоническихъ мечтаній, среди надеждъ на возможность такого счастья и постоянныхъ разочарованій».

«Эта-то любовь, развитіе которой мы можемъ прослѣдить до мелочей, и сдѣлала Жуковскаго поэтомъ: сантиментализмъ далъ ему готовыя поэтическія формулы, програму жизни; въ Карамзинской школѣ все это было или становилось игрой, стихотворнымъ отводомъ напускной чувствительности; Жуковскій перенялъ многое на дѣлѣ, глубоко и правдиво. Онъ единственный, настоящій поэтъ этого направленія; отголоски западнаго романтизма, залетавшіе къ намъ тогда къ великому недоумѣнію нашей критики, затронули его позднѣе не новыми задачами, а развѣ мотивами, которые растворялись въ готовомъ уже міросозерцаніи; таково и его отношеніе къ байронизму. Онъ не романтикъ, какимъ называли его у насъ и еще называютъ, а Карамзинецъ, мимо котораго проходили событія и настроенія, зарождалась новая поэтическая школа, а онъ былъ тѣмъ же, какимъ сложился въ 1805—1820 гг., гуманно и любовно относясь ко всему, что было ему встрѣчно, что укладывалось въ его пониманіе жизни». Его связывали съ новой литературною молодежью искренность настроенія, впервые съ такою прямотою и откровенностью заговорившій «языкъ сердца», которые до сихъ поръ подкупаютъ насъ, несмотря на всю ограниченность и неподвижность міросозерцанія Жуковскаго, его идейнаго кругозора.

«Въ немъ нѣтъ колебаній, нѣтъ страстныхъ порывовъ въ сторону, въ погонѣ за новыми призраками счастія, за новыми откровеніями истины, послѣ чего человѣкъ порой возвращается къ себѣ и лучше себя понимаетъ. Нѣтъ: все идетъ медленно, методично, изъ однихъ и тѣхъ же началъ; намѣченное въ юношескихъ афоризмахъ повторяется потомъ въ интимныхъ письмахъ, въ статьяхъ, назначенныхъ для печати,—проходитъ въ лирику... Воззрѣнія на главные вопросы жизни, нравственности, поэзіи, религіи не мѣняются, новые опыты только помогаютъ ихъ упрочить, или обостряютъ, когда практика жизни и общественности шли имъ наперекоръ; онъ же не шелъ новому навстрѣчу, а лишь серьезнѣе оборонялъ то, что было ему дорого и имъ пережито».

У него человѣкъ покрывается поэтомъ, поэзія—жизнью.

Жуковскій съ молодыхъ лѣтъ серьезно усвоиваетъ и всесторонне разрабатываетъ програму сантиментализма, намѣченную Карамзинымъ, съ пре[illegible]даніемъ личной жизни и вожделѣній сердца. «Сантиментальныя эпо[illegible]-эпохи общественнаго затишья, ожиданія или реакціи; широкія цѣли [illegible]тельности заказаны или еще не раскрылись, прогрессъ ограниченъ пре[illegible]ами личности». Жуковскій вноситъ въ эту програму мечтательность и [illegible]нтичность; у него есть «порядокъ и въ фантазіи».

За рѣдкими и случайными исключеніями кругозоръ его интимной лирики ограниченъ личною жизнью, «и въ ней уголкомъ чувства, тихо волнующагося, призывнаго, грѣющаго, томящагося по чемъ-то реальномъ или нездѣшнемъ». Воспоминаніе и чаяніе становятся его девизами, основными мотивами его поэтики. На смѣну настоящаго, гдѣ царитъ меланхолія и душа зрѣетъ страданіемъ, появляется таинственное «тамъ», населенное милыми тѣнями прошлаго. Изъ той же безвѣстной дали появляются иногда и пугающіе, грозные призраки. «Это настроеніе и вызывало балладные мотивы, видѣнія кладбищъ при невѣрномъ свѣтѣ луны, тѣхъ чертей и вѣдьмъ, нѣмецкихъ и англійскихъ, которыхъ у насъ, вмѣстѣ съ мечтательностью и меланхоліею, считали признакомъ романтизма, считалъ и Жуковскій. Но это не романтизмъ, а автобіографическія признанія сердца, шедшаго навстрѣчу сантиментальнымъ теченіямъ литературы, и созвучнаго оссіановскаго настроенія».

Ему почти совсѣмъ была чужда, очень мало знакома практика общественной жизни, хотя онъ самъ сознавалъ, что «знакомство съ внѣшнимъ» необходимо «для вѣрности, солидности и теплоты идей». Въ этой *теплотѣ идей* заключается весь Жуковскій.

«Его гуманизмъ былъ гуманизмъ жалости и благотворенія; носитель добра и помощи всюду, гдѣ въ нихъ сказывалась нужда, онъ не рѣшался теоретически распространять то и другое на болѣе широкіе горизонты. Культъ воспоминанія связывалъ его личное чувство, какъ культъ преданія—его оцѣнку историческихъ явленій».

Въ отмежеванномъ имъ себѣ узкомъ и небогатомъ по содержанію районѣ онъ могъ совершать чудеса. «Въ немъ онъ полный хозяинъ, знаетъ въ немъ всякій закоулокъ, неуловимыя движенія чувства, неслышныя колебанія настроенія. Все это для него дорого, и онъ хочетъ схватить это невѣдомое, бѣгущее, ускользающее отъ глаза и слуха; хочетъ выразить «невыразимое», и въ извѣстной степени это ему удается. Въ этомъ очарованіе его стиха».

Въ поэзіи Жуковскаго настроеніе цвѣтовое и вмѣстѣ мелодическое—особая прелесть стиха, подборъ поэтическаго языка, «въ которомъ словарь чувствительности сосѣдитъ съ элементами церковно-славянскими и народными, мѣрное теченіе рѣчи обрывается порой лирическимъ вопросомъ, плодятся анаколюты и встрѣчаются сочетанія, выходившія изъ нормъ господствовавшей тогда литературной рѣчи».

Медленнымъ и тяжелымъ путемъ вырабатывалъ онъ свой стихъ; его школой были переводы, въ которыхъ онъ, впрочемъ, «не столько переводилъ, сколько воспроизводилъ, спускаясь къ оригиналу, чаще поднимая его до своего пониманія». У него чисто женская воспріимчивость, «способность возгорѣться у всякаго (?) огня, усваивать и развивать родственныя теченія, образы». Даже въ переводахъ «онъ давалъ не только *свое,* но и *самого себя:* процессы чувства были для него дѣломъ въ высшей степени важнымъ; на нихъ строилось его міровоззрѣніе, которымъ онъ такъ до-

рожилъ. Стремленіе схватить ихъ невыразимость было поэтическимъ актомъ той же искренности: таково впечатлѣніе стиля Жуковскаго тамъ, гдѣ онъ не шалилъ стихомъ, а былъ поэтомъ».

Какъ-то разъ, защищая Жуковскаго отъ нападенія критиковъ, кн. Вяземскій сказалъ, что стихъ Жуковскаго можетъ устарѣть, но останется поэзія. А. Н. Веселовскій прибавляетъ къ этому: «устарѣетъ ея содержаніе, въ болѣе широкихъ перспективахъ потонетъ его крохотный личный кругозоръ, останется правдивость настроенія и прелесть овладѣвшаго имъ стиха. Можетъ быть, его поэзія и не переживетъ завистливую даль вѣковъ, но въ перебоѣ поколѣній и вкусовъ къ ней будутъ возвращаться, когда жизнь мечты и довлѣющаго самому себѣ чувства будетъ брать перевѣсъ надъ массовыми тревогами дня и спросами, поглощающими вопросъ о личномъ счастіи. Когда-то вся природа была мнѣ пѣсней, моя душа поэзіей цвѣла, говорилъ онъ въ посвященіи «Ундины»:

Оно прошло, то время золотое,
Съ природы спалъ магическій вѣнецъ;
Свѣтъ узнанный свое лицо земное
Разоблачилъ, и призракамъ конецъ.

Но магическій вѣнецъ не будетъ снятъ съ природы, свѣтъ не узнанъ, и нѣтъ конца мечтамъ—призракамъ и днямъ «восторженныхъ видѣній»—поэзіи».

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе этой изящной и остроумной рѣчи, лучшаго, что дала юбилейная литература о Жуковскомъ. Ею намъ особенно пріятно заключить свой обзоръ *).

---

*) Для полноты отмѣтимъ еще: „Жуковскій въ образцахъ и музыкальныхъ мотивахъ“ Соколова и Гольдмана (Вильна). Вышла еще отдѣльнымъ оттискомъ наша статья о Жуковскомъ изъ *Русской Мысли*: „Поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ (памяти Жуковскаго)“.